

Б-15

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи
УДК 935.6:930.221

БАДЕР Андрей Николаевич

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПАРФИЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ВОСТОЧНАЯ ПАРФИЯ)

специальность 07.00.09
источниковедение и историография

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

МОСКВА 1990

Диссертация выполнена в Институте востоковедения АН СССР

Научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор Г.А. КОШЕЛЕНКО

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
О.В. ОБЕЛЬЧЕНКО
кандидат исторических наук
З.В. СЕРДИТЫХ

Ведущая организация – Московский Государственный
Университет им. М.В. Ломоносова, исторический факультет

Защита состоится "20" апреля 1990 г. в 14 часов на
заседании Специализированного Ученого Совета по историческим
наукам (Д.003.01.01.) Института востоковедения АН СССР
(103753, Москва, ул. Рождественка, 12; Зал Ученых Советов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института востоковедения АН СССР.

Автореферат разослан "16" марта 1990 г.

Ученый секретарь
Специализированного Совета
кандидат исторических наук

Володин А.Г. ВОЛОДИН

© Институт востоковедения АН СССР, 1990

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации определяется значительной ролью, которую играло Парфянское царство (2 пол. III в. до н. э. – I четв. III в. н. э.) в истории Востока. Держава Аршакидов охватывала огромные территории от границ Сирии до северо-западной Индии, и изучение истории этих разнородных, но издревле связанных политически и культурно областей в парфянский период позволяет поставить и отчасти решить важнейшие проблемы истории эллинистического Востока. Исследование культуры Парфии дает возможность проследить на разнообразном материале процесс взаимодействия "греческой", "месопотамской" (термины условны) и иранской культур на Востоке в течение длительного времени, проанализировать принципиальные для всей эпохи поздней древности проблемы взаимодействия Востока и Запада, наметить преемственность основных процессов и важнейшие тенденции в развитии культуры Ближнего и Среднего Востока от древности к средневековью. Внутри периода Аршакидов исследование культур регионов, наследовавших древние локальные традиции, дает возможность проследить взаимодействие общего и особенного в культуре великой империи и поставить общие вопросы закономерностей культурного развития в древности. В советской и зарубежной литературе культура Парфии до сих пор мало подвергалась целостному анализу (преобладают локальные исследования), несмотря на большие возможности и важность проблематики. Это объясняется состоянием базы источников –

многочисленных, но разнородных и неравномерно освещающих развитие культуры находившихся под властью Аршакидов областей и государства в целом.

Предмет, цели и задачи исследования обусловлены противоречием между значимостью целостного анализа истории культуры Парфии и слабой разработанностью источников. В соответствии с этим целями работы были систематизация разнородного материала по истории культуры Парфии; выделение общих проблем в источниковедении культуры аршакидского периода и возможных путей их решения; разработка сбалансированного подхода к истории парфянской культуры на основе постоянно действующих факторов; уточнение датировок ряда памятников и новая периодизация истории парфянской культуры. Предметом исследования стали данные трех основных групп источников: сведений античных западных авторов, данных ираноязычных эпиграфических и нарративных источников, и материалов архитектуры, изобразительного искусства, наскальных рельефов, скульптуры и пластики, одежды и украшений, а также печатей, булл, гемм и отчасти монет. Важнейшими задачами были сбор и систематизация данных указанных групп источников (что само по себе важно), а также их источниковедческий анализ с точки зрения истории культуры. Хронологически работа охватывает весь парфянский период; привлекались также селевкидские и сасанидские материалы. Географический ареал исследования был сознательно ограничен восточной (ираноязычной) половиной империи, что обусловлено обилием и спецификой материала; хотя привлекались и западные материалы. Принятые ограничения не влияют на репрезентативность источников для задач работы.

Методология исследования материальных и письменных памятников основана в диссертации на понимании исторического источника как целостного явления, все стороны которого взаимосвязаны и который запечатлевает одновременно и события, синхронные его созданию, и действие долговременных факторов. Источники всех трех групп исследовались комплексно, выделялись их наиболее значимые признаки, взаимодействие общих традиций и конкретных условий, учитывались внешние факторы, влиявшие на их создание и существование. В каждом феномене культуры мы пытались проследить взаимодействие трех основных "линий", названных "древнеиранской", "западной" (эллинистическо-римской) и "кочевнической". Сознывая

ограниченность любых схематических построений в истории культуры на основе небольшого числа факторов, мы попытались показать продуктивность такого метода для парфянского периода на данном этапе исследований.

Научная новизна работы определяется проделанными в ней сбором, систематизацией и источниковедческим анализом всех основных групп источников по культуре Парфии, что с такой полнотой не делалось до сих пор ни в советской, ни в зарубежной литературе. Сбор всех основных источников и их анализ по единой методике позволили на новом уровне поставить важнейшие проблемы истории парфянской культуры (см. выше), предложить ее новую периодизацию, показать влияние особенностей исторического развития Парфии на его культуру. В диссертации было предложено несколько уточнений датировок парфянских памятников, внесены исправления в чтение ряда надписей на печатях. В приложениях помещены новые транслитерация, транскрипция и перевод одного из немногих сохранившихся парфяноязычных нарративных произведений *Draxt-i Āsūrīg*, а также транслитерация, транскрипция, комментарии и перевод пергамента Авроман-III.

Практическая ценность работы заключается в возможности ее использования в просветительской работе, в преподавательской деятельности в ВУЗах и средних учебных заведениях в курсах древней истории (в ВУЗах и в курсах источниковедения); ее материалы могут использоваться для учебных пособий (см. список работ). Систематизированные в работе материалы источников могут быть полезны для любых исследований по культуре Парфии и вообще Среднего Востока в эпоху поздней античности, а также общих проблем истории эллинизма и постэллинизма. Работа может помочь специалистам невостоковедного профиля – историкам искусства и архитектуры, археологам, музейным работникам, связанным с изучением истории культуры древнего Ирана. Предложенная методика анализа явлений парфянской, и вообще иранской культуры в контексте трех основных "линий" в развитии ("древнеиранской", "западной", "кочевнической"), а также ряд конкретных наблюдений могут помочь в дальнейшей работе над памятниками истории и культуры Востока парфянского периода.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании секторов идеологии

и культуры и истории Отдела древнего Востока Института востоковедения АН СССР 23 ноября 1988г. Разделы диссертации обсуждались на заседаниях Отдела древнего Востока; ее основные положения вошли в доклады диссертанта на Всесоюзных конференциях и отражены в научных публикациях.

Структура и содержание диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии со списком сокращений и четырех приложений.

Во введении обосновываются выбор темы, ее актуальность, формулируются цели и задачи исследования, определяются его хронологические и географические рамки, намечается общая методология. Введение содержит обзор и характеристику всех основных письменных источников (от поздневавилонских и сирийских до китайских), дающих информацию о культуре Парфии. Это сделано для корректности, т. к. рамки диссертации не позволили полно рассмотреть все источники по теме; второстепенные пришлось оставить без специального анализа, хотя их данные учитывались в работе. В условиях разнородности письменных свидетельств и дефицита в них сведений по культуре нами привлекались и материальные источники. К сожалению, они также слабо систематизированы и неравномерно освещают культуру Парфии и ее провинций, но при этом достаточно обильны и дополняют друг друга.

В I главе диссертации рассмотрены памятники архитектуры и искусства, другие вещественные источники, помимо непосредственного назначения несущие большую идеологическую нагрузку, что делает их важным источником по истории культуры.

Глава I, §I. Парфянская архитектура. В параграфе рассматриваются памятники архитектуры и основные проблемы в их использовании как историко-культурных источников. Вначале рассмотрены памятники греко-македонского периода с территории Восточной Парфии: руины в Хурра (Мидия), в Стахре (Персида), и др. К селевкидскому периоду со времен Э.Херцфельда относили и развалины в Кангаваре близ Хамадана, но П.Бернар считал храм раннепарфянским. Памятники селевкидского периода в Восточной Парфии немногочисленны, что может объясняться устойчивостью древних традиций, устоявших при греко-македонском владычестве; сказывается и слабая археологическая изученность территории Ирана. Несмотря на это, греко-македонское влияние на архитектуру

парфянского периода велико и в Месопотамии, и в Иране. От раннепарфянского периода также сохранилось немного памятников; в это время завоеватели, вчерашние кочевники, мало занимались строительством. Этот этап характеризуют памятники Старой и Новой Нисы.

Главными заслугами парфян в архитектуре являются широкое использование айванных конструкций, арок и сводов как в светском, так и в храмовом строительстве, а также распространение нового архитектурного декора (оформление фасадов ярусами, совмещение ордеров, использование стуктовых панелей и др.). Айван, арки и своды (в том числе и полуцилиндрические "парфянские") были известны на Востоке и ранее, но лишь при Аршакидах получили распространение и конструктивную законченность. В диссертации проанализированы важнейшие из гипотез происхождения айвана: "северо-западная", "древнемесопотамская", "иранская", "раннеарабская", "греческая" (мегаронная), и показано, что слияние в классический айван "помещения без стены" и сводчатого перекрытия вероятно произошло в начале н.э. на территории Западной Парфии. Кроме этого атрибута парфянской архитектуры есть и другие, нередко упускаемые из виду: обязательность внутреннего двора, от которого айван неотделим, и ряд более мелких признаков (трехчастность построения зданий и в плане, и в декоре; и др.).

Далее в §I проведен анализ памятников светской архитектуры из Ашура, Хатры, Селевкии на Тигре, Нипшура, Дура-Европос; из иранских памятников рассмотрены Кух-и Ходжа в Систане, Тахт-и Сулейман в Мидии, Дарабгирд в Персиде, Кала-и Ездигерд в Западном Иране, и др. Из памятников парфянского частного строительства рассмотрены материалы Ашура, Селевкии на Тигре, Суз, Дура-Европос, а также Маргианы. Важнейший материал дает история парфянского храмового строительства. В диссертации рассмотрены святилища Бард-и Нешанде и Маскид-и Сулейман в Элимаиде; храмы в составе дворцовых комплексов Кух-и Ходжа и Хатры; храм Новой Нисы, "Круглый храм" и "Квадратный зал" Старой Нисы; храм Тахт-и Сулейман; храм Рабат-и Сафид к югу от Мешхеда; "храм Фратадаров" в Персеполе (передатированный на более позднее время); āyadāna Суз, относимая нами к раннепарфянскому периоду; храм Тахт-и Сангин на Оксе; комплекс Мансур-тепе близ Нисы. Для парфянского периода характерно распространение иранского плана храмов и в

не-зороастрийских святилищах от Сирии до северной Индии. При парфянах в Месопотамии продолжала сосуществовать с иранской нововавилонская традиция храмовой архитектуры; по всей Парфии, особенно в Западном Иране и Месопотамии, было заметно греческое влияние. В работе для полноты рассмотрены и не-иранские храмы ("периптер" и ассирийский "храм А" в Ашуре, храм Шамаша в Хатре, храмы Зевса-Гареуса в Уруке и Артемиды в Дура-Европос).

При рассмотрении памятников архитектуры в диссертации было прослежено взаимодействие культурных традиций в сакральном, светском и частном строительстве по трем основным "линиям" ("древнеиранской", "западной" и "кочевнической"), поставлены основные проблемы в исследовании памятников как историко-культурного источника.

Глава I, §2. "Парфянское искусство". Проблемы иконографии. Термин "парфянское искусство" условен и в стилистическом плане (единого парфянского стиля не существовало), и в географическом (любые предлагавшиеся рамки искусственны; термин применим и для памятников вне империи Аршакидов), и в хронологическом (под "парфянскими" понимают признаки I-II вв. н.э.; раннеаршакидское искусство под определение не подходит). Значительная часть "парфянских" памятников не принадлежит собственно парфянам, а создана в этнически разнородных областях, культуры которых не могут рассматриваться как варианты общепарфянской.

Основой канона в искусстве периода Аршакидов считается фронтальность. В диссертации проанализированы теории ее происхождения: "греческая" (Э.Херцфельд), "иранская" (М.Ростовцев и др.), "сирийская" (К.Хопкинс), и "интегрирующая" (А.Сейриг и др.). Каждая из гипотез основана на одной группе источников - сирийской, месопотамской или иранской, что определяет их ограниченность. Как нам кажется, сейчас универсальное решение проблемы вообще невозможно из-за хронологической и этнокультурной разнородности источников. Степень интеграции "первичных" исследований памятников пока не позволяет создать сбалансированную общую теорию фронтальности. Формирование ее, вероятно, относится к I в. н.э.; оно прослежено в работе на материалах Дура-Европос, Пальмиры, Эдессы и ряда иранских и элимаидских рельефов, а также живописи Парфии (Ниса, Мансур-тепе). В разделе проведен также

полный иконографический анализ "классического" парфянского рельефа в Хунг-и Наврузи (3 четв. I в. до н.э., Митридат I) и других изображений, выделены ранее не рассматривавшиеся особенности парфянской иконографии (лошадь под царем на рельефах почти всегда иноходец; фигуры внесмащтабны и сами диспропорциональны; перспектива и второй план появляются в позднепарфянский период; и др.). Эти признаки, в сочетании с выделенными ранее в литературе, помогают в атрибуции, датировке и анализе памятников. В диссертации рассмотрена также роль в парфянской иконографии "орнаментальности" построения в ущерб смысловым связям, периодичности и повторяемости фигур, "спиритуалистичности", иератизма, "линейности", веризма, особенностей одежды и прически. В конце раздела дана общая характеристика "парфянского искусства" и критически рассмотрены ранее выдвигавшиеся его концепции (М.Ростовцев, А.Перкинс, А.Сейриг, Д.Шлюмберже, Р.Гиришман, современные исследователи).

Глава I, §3. Парфянские рельефы. Древние наскальные изображения, часто сопровождаемые надписями, представляют ценный источник по истории государства, культуры, искусства и языка. К сожалению, рельефы парфянского периода немногочисленны, и все они поздние, кроме двух (Митридата I в Хунг-и Наврузи и Митридата II в Бисутуне). Все рельефы обнаружены в Элимаиде, Мидии и Парсе - областях древней допарфянской культуры и традиций. Основных местонахождений парфяnskих рельефов 12, и в них более 20 сцен (II в Танг-и Сарваке, 3 в Бисутуне, 2 в Шимбаре, по одному в Хунг-и Наврузи, Сар-и Пуле, Хунг-и Яр-Аливанде, Хунг-и Камальванде, Бид-Зарде, Бард-и Нешанде, Сузах, Кух-и Тина, Кух-и Тараз). Кроме того, сохранились отдельные стелы с рельефами парфянского времени.

В диссертации проведен подробный анализ каждого из памятников с точки зрения иконографии, локальных особенностей и взаимодействия древнеиранских, месопотамских и греческих традиций, а также "трех линий" в развитии парфянской культуры. Наибольшее внимание уделено комплексу парфяnskих рельефов в Танг-и Сарваке, рельефам Хунг-и Наврузи, Танг-и Бутан и Бард-и Нешанде, а также группе рельефов в Мидии у "Ворот Азии" (в Бисутуне и Сар-и Пуле), и единственному точно датированному аршакидскому рельефу с территории Ирана - "стеле Хвасака" из Суз. Анализ рельефов позволил выделить отличия парфяnskих инвеститурных сцен от

сасанидских: бог никогда не изображен на коне; допускаются "вольные" композиции вроде инвеституры царя, полулежащего на клине в Танг-и Сарваке; там же изображен уже результат инвеституры - а у Сасанидов всегда фиксируется сам акт передачи "кольца"; инвеститура Аршакидов часто происходит в присутствии двора; встречается и увенчание диадемой от орла, например в Танг-и Сарваке (а также на монетах Фраата IV, Вологеза IV). Отличает парфянские рельефы и сюжет царского жертвоприношения, неизвестный Сасанидам, но имеющийся на рельефах ахеменидских царских могил Накш-и Рустема и Персеполя. Анализ парфянских рельефов позволил сделать и ряд мелких замечаний, полезных при изучении "аршакидского канона" в искусстве, атрибуции и датировке памятников. В конце раздела рассмотрены не-наскальные рельефные изображения парфянского времени: колонна из Бард-и Нешанде, стелы Ашура, Хатры, Селевкии и других городов Месопотамии, а также Дура-Европос; группа рельефов из святилищ Бард-и Нешанде и Маскид-и Сулейман; и др.

Глава I, §4. Парфянская скульптура и пластика. Скульптура парфянского периода изготавливалась из дикого камня (Иран) и бронзы (Элимаида), а также из сырой глины на каркасе из дерева, связок камыша или металла ("Коренные области"). Если верить Плинию (NH.XXIII.4,24), существовали и золотые изображения. Скульптура Парфии испытывала влияние рельефной техники и часто не рассчитана на круговое обозрение, а ставилась в нишу или у стены; у многих статуй не обработана тыльная часть и не удален материал под руками, между ног, между одеждой и оружием ("глубообразность"). Греческое влияние в парфянской скульптуре незначительно. В разделе проведены систематизация и анализ памятников из Шами, Бард-и Нешанде, Маскид-и Сулейман, Суз, Кума, Хамадана, Изех-Маламир, Нихавенда, Динавара, а также Нимруд-Дага в Коммагене. Скульптура "Коренных областей" рассмотрена по находкам из Старой Нисы, включающим мраморные эллинистические статуи и глиняные раскрашенные скульптуры на каркасе. Из аршакидской Месопотамии в разделе рассмотрены материалы Хатры и Селевкии на Тигре, очень отличные от иранских по технике, сюжетам и символике, что не позволяет говорить об общепарфянском каноне в скульптуре.

В разделе рассмотрена также пластика парфянского периода по материалам Парфии (Старая Ниса), Элимаиды, Нихавенда и ряда

местонахождений Западной Парфии; проанализированы дискуссии вокруг "парфянских" костяных фигурок из Ольвии из раскопок Б.В.Фармаковского и серебряной накладки на блюдо парфянского времени из Эрмитажа с погрудным изображением мужчины.

Глава I, §5. Парфянская одежда, прическа, украшения.

Проведенный в разделе анализ изобразительных памятников показывает, что парфянский костюм был вариантом общеиранского, развивавшим сакские традиции при ахеменидском и эллинистическом влиянии. Основой костюма была рубаха с круглым воротом, поверх которой одевали кафтан с открытой грудью и левым запахом, обязательно с каймой. Передний край одежды обычно свисал тремя "углами" или полумесяцем; часто его задняя часть длиннее передней. Кафтан подпоясывали ремнем с набором или бляшками. Парфяне использовали штаны из мягкой материи, удобные для жаркого климата и для езды верхом благодаря ширине и избыточной длине; часто штаны дополнялись ноговицами. Наличие скатанного плаща (всегда на левом плече) может считаться, судя по сюжетам скульптур, принадлежностью одежды жрецов. Простой не-жреческий плащ изображался сброшенным сзади на плечи и закрепленным на груди. Обувью парфянам служили невысокие мягкие "кожаные чулки" без жесткой подошвы. Украшений обуви обычно не имела, иногда видны лишь полоски у носка. Вариантом "чулка" можно считать мягкие сапожки до середины щиколотки со складчатым голенищем и загнутым вверх носком, без жесткой подошвы.

Узор на парфянской одежде однообразен и поэтому ценен как атрибутивный признак. Ткань верхней одежды обычно оставалась гладкой или украшалась по всему полю диагональными линиями, в образующиеся клетки вписывались ромбы, круги или точки; более сложные узоры редки. Воротник рубахи, полы и низ кафтана украшались каймой, узор на которой часто основан на мотиве спирали, иногда связанной в "змейку" или дополненной точками и кружками. В редких случаях каймой украшались также штаны и обшлаги рукавов. Очень распространены были нашивные бляшки и украшения из камня; из украшений наиболее популярны ожерелья и браслеты (особенно яркие находки их в Селевкии на Тигре и Дура-Европос). Украшения очень разнообразны в парфянский период, что соответствует пестроте этносов, традиций и, возможно, моде; общепарфянского стиля не заметно. Мужская прическа однако

достаточно стабильна и может служить вспомогательным признаком при атрибуции и датировке. Как и все древние иранцы, парфяне носили длинные волосы; специфической чертой изображений периода Аршакидов был спиральный завиток "улиткой" на конце прядей и особая укладка волос вбок и назад (уши закрыты). Характерно-парфянской можно считать коротко стриженную бороду (или нередко ее отсутствие) в сочетании с широкими опущенными под щеки усами. Борода и усы за парфянский период заметно не эволюционировали, проработка же прически на изображениях менялась, что позволяет основать на этом признаке вспомогательную периодизацию.

Глава I, §6. Печати, буллы, геммы Восточной Парфии. Геммы, печати и их оттиски благодаря разнообразию сюжетов изображений и развитой иконографии, а также нередко имеющимся надписям представляют ценный источник по истории искусства, культуры и языка. Парфянские печати в основном следуют эллинистическим традициям и оттискивались на битуме или глине, но иногда и на стенках сосудов (до обжига); многие были привесными. Буллами запечатывались не только документы, но также мешки с товаром и помещения. Булла обычно несет несколько оттисков (одинаковых, как в Шахр-и Кумизе, или разных, как в Нисе). Парфянские печати в основном круглые или овальные, на перстне или с кольцом для привешивания. При Аршакидах продолжали использоваться селевкидские и позднеахеменидские (цилиндрические) печати. В диссертации рассмотрены все известные парфянские печати и буллы из Шахр-и Кумиза, Старой Нисы, Гарры-Кяриза, Мерва, Изганта и Суз, а также из музейных собраний и недавних раскопок Гебеклы-тепе в Маргиане; привлекались также селевкидские и парфянские печати из Западной Парфии. Немногочисленность известных печатей Восточной Парфии объясняется недостаточностью археологических работ на ее территории (особенно в Иране); некоторые из них могли быть вырезаны на недолговечном материале (железе, меди) и не сохраниться, другие (золотые, серебряные) — оказаться переплавленными; наконец, часть печатей в силу эклектичности стиля могут оставаться нераспознанными в коллекциях. В разделе проанализированы также надписи (парфянские и единственная греческая) на геммах, печатях и оттисках из собраний Британского Музея, парижской Национальной Библиотеки и музеев Калькутты, Ленинграда, Ташкента и Ашхабада. Особое внимание уделено "гемме

Фолкинера" (чтение надписи уточнено В.А.Лившицем), а также утраченной ныне гемме неясного происхождения из коллекции Ф.Хана и дискуссии вокруг нее (А.Мордтман, Э.Херцфельд, Ф.Сарре, А.Фюртвенглер, Н.Дибойс). В разделе проведен также источниковедческий анализ материалов парфянской сфрагистики с точки зрения истории культуры, прослежено взаимодействие древнеиранских и западных культурных традиций, обоснованы передатировка и изменения в атрибуции ряда печатей и гемм.

Глава II. Памятники парфянской эпиграфики из Старой Нисы. Из ираноязычных письменных источников в диссертации проанализированы крупное парфянское произведение Draxt-i Āsūrīg, пергамент Авроман-III (оба источника помещены в приложениях), а также собрание парфянских документов II-IV вв. до н.э. из Нисы, которое благодаря помощи В.А.Лившица автор имел возможность исследовать целиком, и которому посвящена глава II.

Собрание представляет собой около 3 тысяч хозяйственных первичных учетных документов, написанных по-парфянски на остраках и обнаруженных при раскопках ЮТАКЭ Старой и Новой Нисы. Их письмо близко официальному письму ахеменидских канцелярий, известному по эллинистическим папирусам, и парфянскому пергаменту Авроман-III. Документы из Нисы отражают лишь небольшую часть царского хозяйства, связанную со сбором винной подати, но наряду со стандартными текстами о поступлении вина и складском учете среди документов обнаружены и требования на выдачу вина, записи о хранении и выдаче других продуктов, итоговые ведомости, учебные писцовые упражнения, записи о вступлении на престол трех царей. В целом нисийские документы содержат информацию о генеалогии Аршакидов, административном устройстве области, структуре царской канцелярии, военной и социальной организации, храмах, земельных отношениях, категориях натуральных поставок, топонимике и антропонимике, системе родства, календаре и ряде других проявлений парфянской культуры. К сожалению, информация о ней очень рассеяна в архиве. Ценный историко-культурный источник представляет и сам парфянский язык II-IV вв. до н.э., достаточно полно отраженный документами.

В главе дано полное описание собрания с лингвистической и исторической точек зрения, рассмотрены проблемы его интерпретации как источника по истории культуры. По документам проанализированы

категории земель 'wzbyr; ptbzyk; храмовые; находящиеся в аренде; и выделенные гипотетически дополнительные категории; рассмотрены типы податей (ptsyk/ptysyk; 'psyk; 'wpsyk; sygr; варианты аренды и личных поставок чиновников); а также проблема "кормлений" в Нисе. Материалы документов позволили проследить полномочия и функции каждого из многочисленных известных в собрании чиновников, и отчасти восстановить административное устройство нисийской области. Собраны были все данные по социальному устройству Парфии II-III вв. до н.э. Особое внимание уделено генеалогии ранних Аршакидов, терминам и системе родства, а также календарю и летосчислению парфянского периода. Были собраны и все материалы о храмах, служителях культа и в целом о религии раннепарфянского периода, а также рассмотрена дискуссия о культе обожествленных Аршакидов в Нисе. Наконец, в диссертации собраны вся нисийская топонимика и антропонимика, показывающие почти полное отсутствие западных влияний в нижних и средних слоях общества северо-восточной Парфии II-III вв. до н.э. Все данные анализа собрания Нисы сведены в 9 таблиц и исследованы статистически. В главе рассмотрены также памятники парфянской эпиграфики из Коша-тепе, Мерва, Куня-калы, Игди-калы, Нишпура, Шахр-и Кумиза, Турен-тепе и Дура-Европос.

Глава III. Особенности исторического развития Парфии и ее культура. Античная традиция о Парфии содержит скудную информацию о ее культуре. Она дает обильную, но разрозненную и одностороннюю информацию о государстве Аршакидов, по которой можно судить лишь о подходе к восприятию культуры врага Рима на Востоке, причем этот подход, основанный на идее априорного превосходства западной культуры и государственности над нецивилизованным, хотя и могущественным Востоком, препятствует объективной подаче материала и ограничивает его ценность. Существовавшие (судя по ссылкам у других авторов и сохранившимся фрагментам) специальные сочинения по истории Парфии Аполлодора из Артемиды, Аппиана, Арриана, Посидония, Страбона, Азиния Квадрата не дошли до нашего времени, а единственное сохранившееся последовательное изложение истории Парфии Помпея Трога (современника Августа) дошло в неполном и не очень корректном изложении Юстина (например, эпитоматор допустил большую лягушку, охватывающую 94-55 гг. до н.э.). В сочинениях других античных авторов содержится большой, но слабо

систематизированный материал, в основном касающийся римско-парфянских отношений, за фактологией которого плохо просматривается культура державы Аршакидов. Мало что дают и попытки обращения к литературным и поэтическим греческим и латинским произведениям (см. приложение IV). Наибольшую ценность из западных источников представляют сочинения Помпея Трога, Страбона, Плутарха, Тацита, Иосифа Флавия, Диодора Сицилийского, Плиния Старшего и Полибия, а также Аммиана Марцеллина и Геродиана.

Западные источники полезны и информацией об облике парфянского государства в целом, что позволяет наметить ряд особенностей в его политическом, военном, социальном и этническом развитии, территориальной структуре и идеологии, несомненно влиявших на развитие культуры. В литературе часто преувеличивают противостояние греческой и иранской культур в Парфии. Их взаимодействие началось еще при Ахеменидах; при Аршакидах, судя по эпиграфике, греческий язык в Месопотамии, Западном и Юго-Западном Иране использовался наряду с парфянским. Отношения греков с парфянами на Западе дополнялись контактами с семитами месопотамских городов; в восточных же областях парфянам было легко найти контакт с местным населением благодаря близости их культур и языка (Just. XLI.1,1). Представляется неверной распространенная в литературе схема заимствования парфянами политических и социальных институтов у завоеванных народов при устранении местных социальных групп - скорее, имело место надстраивание парфянской знатью местной "верхушки". Вначале парфяне, видимо, лишь эксплуатировали сложившуюся систему, что было ближе их традиционному пониманию отношений с оседлым населением, и что смягчило столкновение их культуры с местными, позволив последним сохраниться. Сама власть Аршакидов, в единстве со знатью, долго была прежде всего военной и мало опиралась на экономическую основу, что хорошо показывают данные Юстина (XLI.4,7), Страбона (XI.8,3; XI.9,2) и Фавстоса Бузанда. Изменения политики хорошо видны в Вавилонии: вначале парфяне установили здесь сильнейший гнет (Just. XXXVI.1; XLII.1), что породило протест и облегчило возвращение Деметрия II; когда в 140-139 гг. до н.э. Митридат вернул себе Селевкию, он стал уже заигрывать с греками, дав городу ряд привилегий, включая монетную эмиссию (только бронзы); на его собственных монетах появился эпитет "филэллин". С III вв. до н.э. парфяне избегали конфронтации с

греками и вели гибкую политику; побоище в Сиринке (Polyb.X.31,11) по-видимому было исключением. Путь Аршакидов к умеренности и контактам с греками, как и вообще изменения в культурной ориентации династии, хорошо прослеживается по их титулатуре и эпитетам, рассмотренным в диссертации по монетам.

Парфянская культура формировалась и существовала в атмосфере политической нестабильности, следствии архаичности аршакидского государства. Сама верховная власть была ограничена могуществом знати, влиявшей даже на престолонаследие. Этому сопутствовал сепаратизм в провинциях, способствовавший сохранению ими допарфянских традиций и местных культур, слабо интегрированных в общегосударственную. В диссертации подробно рассмотрены данные античных авторов (Just.XLI.2,1; Tacit.Ann.II.2; VI.37,42; Plut.Crass.21; Amm.Marcel.XXIII.6,83) о положении, структуре, составе парфянской знати; рассмотрена дискуссия об иранских "семи родах" на парфянской почве; проанализированы данные о парфянском "сенате" (Just.XLI.2; XLII.4,2; Strabo.XI.9,3) - видимо, это частично интерполяция селевкидской системы, частично отражение реальной роли знати, вряд ли оформленной в совещательном органе. Знать была для Аршакидов и опорой, и источником многих трудностей. В начале завоеваний она помогла осуществить захваты и сделала Аршакидов царями, но позднее она же, сохраняя огромное влияние в государстве и собственные вооруженные силы (Plut.Crass.21), стала порождать усобицы, подрывавшие центральную власть и мешавшие созданию стабильных правовых институтов, что, в сочетании с частой сменой правителей различной ориентации, наложило отпечаток и на развитие культуры Парфии. На это развитие влияла и территориально-политическая структура державы Аршакидов, представлявшей объединение областей с различным уровнем социально-экономического развития, долго живших еще допарфянскими традициями и слабо интегрированных. В диссертации рассмотрены по античным источникам взаимоотношения провинций и их иерархия (пробораз *gaḥ nānāg* Сасанидов), особенности положения "греческих" и "иранских" городов в государстве и изменения в политике династии по отношению к городскому населению.

В Заключении подводятся итоги проведенного в главах анализа источников по культуре Парфии и основных проблем, возникающих при работе с каждой их группой. Исследование культуры Восточной Парфии

помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, как могли парфяне, "долго сохранявшие в своих нравах много варварского и скифского" (Strabo.XI.9,2), создать и почти 500 лет поддерживать целостность великой державы. В первой половине эры Аршакидов этому видимо помогал военный характер их власти, позволявший долго уходить от решения социально-экономических и других проблем. Кроме того, территория, захваченная парфянами, до этого входила в державу Селевкидов, так что Аршакидам досталась уже в значительной степени готовая структура; при подчинении же иранских областей им помогала их культурная близость местному населению. Собственный "культурный багаж" парфян был невелик по сравнению с завоеванными народами, многие из которых имели развитые древние культурные традиции, вследствие этого культура империи до самого конца ее существования оставалась слабо консолидированной. Однако, "неразвитость" собственно-парфянской культуры имела и положительную сторону: она позволила парфянам легко заимствовать многое из культурного наследия завоеванных областей, если это не противоречило их собственным представлениям; именно эта "упрощенность" часто избавляла парфян от конфронтации с местными культурами, что неизбежно происходило бы при более стойких собственных традициях. Как нам кажется, именно эта особенность позволила Аршакидам объединить и удерживать разнородные в этническом и культурном отношении области. Приход их к власти не изменил сути культурных процессов на Востоке, т.е. взаимодействия греческой и эллинистической, затем римской культуры с иранской, семитской и другими местными культурами, и "подстилавшего" этот процесс непрерывного развития "низовой культуры" основной части населения, в основном продолжавшего жить традиционным укладом. Это, в сочетании с культурной и религиозной терпимостью аршакидской власти, создало условия для культурного взаимодействия и синтеза, гораздо более широкие, чем при Селевкидах, общество которых было строже стратифицировано в социально-политическом и этническом отношениях.

В понимании парфянской культуры имеет смысл выделять три основных пласта, как это уже делалось Р.Е.Варданяном: 1) собственно парфянская культура (но шире, чем культура парнов и населения "коренных областей"); 2) культура провинций с различными, у многих древними традициями, продолжавшими развиваться в значительной

степени самостоятельно (Элимаида, Парс, Вавилония, Армения, Сакастан); 3) культура государства в целом – условное объединение самобытных культур империи, взаимодействие которых не успело прийти к синтезу. Особое положение занимали города – центры активных контактов. Роль областей государства Аршакидов в истории его культуры различна и отражается во взаимодействии в течение всего периода выделенных нами трех основных "линий" развития: 1) "кочевнической", постоянно (особенно во II в. до н.э. и на грани н.э.) поддерживавшийся активным участием знати "коренных областей" в политической жизни государства; 2) "древневосточной", отражавшей влияние культур допарфянской эпохи, которое с конца I в. до н.э. дополнилось сознательной реанимацией древнеиранских традиций со стороны Аршакидов; 3) "западной", отражавшей эллинистическое и затем более слабое римское влияние (прежде всего, в Месопотамии, Мидии, Сузиане). Естественно, применение этой схемы не должно быть формальным и возможно лишь при учете конкретных исторических и этнокультурных обстоятельств, но она, как кажется, может характеризовать основные тенденции развития культуры, не подменяя конкретного анализа.

На основании анализа письменных и вещественных источников по культуре Восточной Парфии можно предложить следующую ее периодизацию: 1) парнский этап; заложены основы культуры будущих парфян, главенствует "кочевническая" линия; 2) раннеаршакидский этап – от начала завоеваний до подчинения Месопотамии в сер. II в. до н.э.; накопление нового материала; доминирует еще "кочевническая" линия; 3) от завоевания Месопотамии до смерти Митридата II – освоение завоеванных областей; взаимодействуют "кочевническая" и "западная" линии, в конце этапа впервые заметна "древневосточная"; 4) от смерти Митридата II до последней четв. I в. до н.э. – относительно стабильное развитие на основе достигнутого на предыдущем этапе; 5) последняя четв. I в. до н.э. – первая треть I в. н.э. – усиление западного влияния в официальной культуре, что породило столкновения Аршакидов с консервативной частью знати; взаимодействие "кочевнической" и "западной" линий; 6) с сер. I в. н.э. до конца II в. н.э. – ориентализация культуры, возвращение к образцам третьего этапа, "иранская реакция" в ответ на "западничество"; "кочевническая" и "древневосточная" линии вместе действуют против "западной"; два пика "иранского

Ренессанса" падают на царствования Вологеза I и Вологеза IV, чему сопутствует политика объединения государства и усиления центральной власти; 7) с конца II в. н.э. до падения Аршакидов – усиление центробежных тенденций в культуре; влияние "западной" линии уменьшается, "кочевническая" и "древневосточная" линии приходят в противоречие, последняя питает культурный и политический сепаратизм, подготовивший взлет Сасанидов в Парсе; 8) послеаршакидский этап – парфянская культура, язык и письменность еще некоторое время живут, частично входя в культуру эпохи Сасанидов, частично отодвигаясь на северо-восточную периферию державы.

Приложения. Диссертация снабжена четырьмя приложениями. В I помещены транскрипция, транслитерация и перевод парфянского текста Draxt-i Āsūrīg; во II – транслитерация, транскрипция, комментарии и перевод пергамента Авроман-III; в III – 9 таблиц по материалам Старой Нисы и статистические подсчеты по ним; в IV дан полный список античных источников по истории и культуре Парфии.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1) Черты кочевого прошлого в политической жизни державы Аршакидов // V Всес. Сергеевские чтения. Отчет о конференции. Вестник древней истории, 1988, №2. – 0,05 а.л.

2) Знать и "сенат" в парфянском царстве // IV Всес. чтения памяти В.Д.Блаватского. Тезисы докладов. М.: Наука, 1987. – 0,1 а.л.

3) Проблема возникновения и политического устройства парфянского царства в современной историографии // Вестник древней истории, 1989, №1. – 2,0 а.л.

4) Титулатура парфянских царей как источник по истории культуры // Древний и средневековый Восток. Ч. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. – 0,7 а.л.

5) Завоеватели и завоеванные в первой половине эры Аршакидов (к проблеме взаимодействия культур) // III Всес. симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1988. – 0,1 а.л.

6) Иконография парфянского монументального искусства в исторической литературе // Вестник древней истории (в печати). –

I,5 а.л.

7) Третий Авроманский пергамент (текст, перевод, комментарии) // Хрестоматия по истории древней Греции. М.: Издательство МГУ (в печати). - I,0 а.л.

8) К вопросу о парфянской иконографии в искусстве // VI Всес. Сергеевские чтения. Тезисы докладов (в печати). - 0,05 а.л.

9) Некоторые парфянские документы из собрания Старой Нисы (введение, переводы, комментарии) // Хрестоматия по истории древней Греции. М.: Издательство МГУ (в печати). - Совместно с В.А.Лившицем - 0,8 а.л.

А.В.Бадер

Подписано к печати 23.02.90
Объем 1,25 п.л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Зак. 49

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28